

УДК 81'23

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»
КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГО-МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ**

Е. В. Кушина

**THE SEMANTIC OPPOSITION «OWN – ALIEN» AS THE REALIZATION
OF IDEOLOGICAL MANIPULATIVE POTENTIAL OF POLITICAL DISCOURSES**

E. V. Kishina

В статье описывается научное осмысление онтологических свойств семантического образования «свой – чужой» и его конкретная реализация на уровне политического дискурса, конструируется модель, отражающая наполнение семантических сфер «свой» и «чужой» в политической коммуникации разных исторических периодов.

The article deals with the scientific comprehension of ontological properties of the semantic formation «own – alien» and its particular realization at the level of political discourse, the model which reflects the content of semantic spheres «own» and «alien» in the political communication of different historical periods being created.

Ключевые слова: семантическая оппозиция «свой – чужой», политический дискурс, советский дискурс, манипулятивная функция.

Keywords: semantic opposition «own» – «alien», political discourse, soviet discourse, manipulative function.

Особенности представления знаний, отраженных в языке, установление соотношения между языковыми и неязыковыми знаниями являются базовыми вопросами, рассматриваемыми современной лингвистикой. Языковое структурирование внеязыковой действительности связывается с особенностями познания, менталитетом народа, его культурой.

В русле когнитивной науки были разработаны и описаны такие структуры представлений знаний, как категории, концепты, схемы, фреймы, сценарии, гештальты, модели и т. д. В ряду подобных образований выделяется и семантическая оппозиция «свой – чужой», онтологическая сущность которой определяется разными лингвистами как категория (семантическая, понятийная, лингвокультурологическая, коммуникативная, имплицитная), категориальный комплекс, концепт, концептуальная диада, лексико-семантическое поле. Языковеды сегодня решают вопросы, связанные с внутренней организацией данного образования, семантической общностью, характером экспликации и особенностями функционирования.

Актуальность исследования семантической оппозиции «свой – чужой» обусловлена сущностными признаками выделенного явления: «свое – чужое» – универсальный феномен, организующий все формы человеческого существования. Фундаментальный характер данной оппозиции определяется её участием в формировании онтологических представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «свое – чужое». «Это противопоставление в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 127].

Гносеологическая деятельность, направленная на познание мира, преломление бинарной онтологической сущности в сознании наделяет дискретность мира опосредованным характером. Сферы «свое» и

«чужое» наполняются многомерным содержанием, обусловленным как опытом всего человечества, так и ментальной деятельностью индивидуума. Универсальность представлений о бинарной структуре мира находит своё выражение в языке, отражающем фундаментальный принцип восприятия человеком мира. Знаковые системы раскрывают сущность «свойственности – чуждости» как базовой оппозиции, отражающей специфику мировосприятия определённой лингвокультурной общности.

Статья направлена на описание научного осмысления онтологических свойств семантического образования «свой – чужой» и представления его гносеологического образа на уровне организации политического дискурса.

Семантическая оппозиция «свой – чужой» в научном осмыслении. Универсальный характер оппозиции предопределяет междисциплинарный подход к её рассмотрению. Осмыслением феномена «свой – чужой» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные представители разных областей гуманитарных знаний. Выделяемое образование подвергается научной рефлексии с позиций разных теоретико-методологических подходов.

Так, в рамках философской и культурной антропологии, социологии, политологии «свое – чужое» сводится к противопоставлению разных этнических общностей: «свой/русский народ» – «чужой народ/нерусский» (Э. Гуссерль, Н. Печерских, Р. Штихве, Е. Шервуд и др.). Подобная интерпретанта наделяется рядом функций:

1) этнодифференцирующая функция, выражающаяся в противопоставлении этнической специфики разных народов (наша культура – их культура, наш менталитет – их менталитет);

2) этноинтегрирующая функция, способствующая осознанию единства своей нации (осознание некоторой группой самой себя как «своих» в отличие от «чужих»).

Широкое научное освещение получает социальная сущность данного феномена. Учёные размышляют о проблеме социального и духовного *отчуждения*, активно обсуждают вопросы *чужеродности* и преодоления *чуждости чужого*, проблеме *границы* и выявления *между-пространства*. Проблема *отчуждения* поднимается в разных аспектах как в русской, так и в западной философии, социологии, психологии, культурологии (Н. Бердяев, М. К. Мамардашвили, Э. Гуссерль, Э. Фромм, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. П. Сартр, Гадамер, Ю. Эппель и др.).

Проблема духовного и социального *отчуждения человека* обосновывается психологическим функционированием оппозиции «свой/чужой». Как отмечают в своих работах исследователи, затрагивающие вопросы психологического обоснования функционирования оппозиции «свой/чужой», данная дихотомия уходит своими корнями в принципы организации древнего мира. В. С. Иванов и В. Н. Топоров отмечали наличие этого противопоставления ещё в системе представлений древних славян, отмечая реализацию его в трёх планах:

1) социальная интерпретация оппозиции «свой – чужой»: первый член оппозиции («свой») означает принадлежность данной социальной группе, а под «чужим» понимается то, что не является преимущественным символом данной группы;

2) этническая интерпретация «своего – чужого»;

3) интерпретация по принципу «человеческое/нечеловеческое»: «свой» обозначает принадлежность к человеческому, а «чужой» – к нечеловеческому, звериному, колдовскому [3, с. 96].

Идентификация человеком себя как члена какой-либо общности включает многочисленные и разноплановые аспекты. Критериями отделения «своих» от «чужих» могут оказаться различные факторы: социальные, политические, этнические, религиозные, родственные или целый комплекс факторов. Подобная содержательная мозаичность предполагает разносторонний анализ выделяемого образования.

Так, в последнее время «своё – чужое» привлекает внимание как социологов, философов, так и лингвистов в связи с актуальностью проблемы толерантности, которая «основана на противопоставлении «свой – чужой» и постулирует терпимость к «другому», «иному» при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к чужому» [4, с. 105]. Являясь индикатором категории человеческих взаимоотношений, толерантность непосредственно связывается с оппозицией «своё – чужое».

В современной научной парадигме широко представлен культурологический подход к описанию «свойственности – чуждости». Исследования духовной сферы человечества, выявление и описание констант русской культуры прямым образом соотносено с рассмотрением дихотомии «своё – чужое», отражающей ценностные ориентиры русского народа и многовековой опыт человечества (В. В. Воробьёв, Г. Г. Гачев, З. М. Волоцкая, А. К. Байбурин, Ю. С. Степанов, В. А. Маслова, Е. С. Яковлева и др.). Исследования в данном на-

правлении носят в преобладающем большинстве лингвокультурологический характер, так как построение русской национальной модели мира неотделимо от знакового воплощения дихотомии «свой – чужой». Путём выделения и описания «лингвокультурем» создаётся семантическое поле «свой – чужой», в роли компонентов которого выступают концепты, отражающие национальные стереотипы мировидения и мировосприятия. Так, доминантами сферы «своё», репрезентирующей особенности русской национальной личности, выступают такие черты, как доброта, отзывчивость, максимализм, альтруизм и т. д. «Наши»/«русские» особенности выделяются на основе сопоставления и противопоставления с компонентами сферы «чуждость» как репрезентантами архетипических признаков иной народности.

В последнее время внимание лингвистов привлекает собственно языковая сущность феномена «свой – чужой». Как уже было отмечено выше, лингвисты рассматривают вопросы, связанные с сущностными признаками данной группировки, её семантическими и формальными основаниями (В. В. Красных, А. Н. Серебренникова, М. Н. Петровиченко, Р. Н. Порядина, С. Л. Сахно, Н. А. Санцевич, Е. П. Захарова и др.).

Гипотеза о существовании в русском языке особой категории семантического характера – категории «чуждости» была впервые высказана А. Б. Пеньковским: «На обсуждение предлагается гипотеза о существовании семантической категории «чуждости» («отчуждения»? «алиенации»?), которая, в силу сказанного, должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое – плохое») и иметь специальные средства языкового выражения (хотя бы в виде отдельных, не связанных друг с другом звеньев)» [5, с. 54].

Идея А. Б. Пеньковского, сформировавшаяся в рамках структуралистского подхода, нашла своё преломление в современных исследованиях когнитивного направления. «Описание «свойственности – чуждости» в свете когнитивной проблематики осуществляется на базе двух подходов: семиотического (объект – культурная оппозиция, структурирующая модель мира) и концептуального (объект – культуроспецифичный ментальный субстрат)» [7, с. 18].

Особенности смысловой реализации семантической оппозиции «свой – чужой» раскрываются лингвистами на разнообразном материале (фольклорные тексты, публицистика). Базовыми же являются исследования языковой репрезентации «свойственности – чуждости» на материале диалектной речи.

Наиболее активно данное направление развивается представителями томской лингвистической школы (З. И. Резанова, Т. А. Демешкина, И. В. Тубалова, А. Н. Серебренникова, Р. Н. Порядина, М. Н. Петровиченко и др.). Анализ смыслового содержания «свойственности – чуждости» на уровне индивидуального дискурса диалектоносителей выявляет специфику моделирования народной картины мира в аспекте противопоставления «свой – чужой». Интерпретация данной оппозиции в диалектах про-

водится в разных аспектах: территориальном, социальном, конфессиональном, этническом.

В исследованиях, посвящённых «свойственности – чуждости», не подвергается сомнению категориальный статус данной группировки. Признание за данным объединением категориального статуса мотивирует обращение лингвистов к вопросам, связанным с внутренней организацией «свойственности – чуждости». К сожалению, работы, обосновывающие именно категориальную сущность «свойственности – чуждости», на сегодняшний день единичны. Данный аспект последовательно отражён в исследованиях Р. Н. Порядиной, которая, определяя категорию «свойственности» как семантическую категорию, обосновывает её семантическую дискретность (распадение семантической области категории на три взаимосвязанных зоны – «близкий к «Я», «необходимый для существования «Я», «требующий участия «Я») и разноуровневые способы выражения, базовыми из которых являются единицы лексического уровня [6].

Привлекает внимание лингвистов и разноуровневая эксплицированность семантики «свойственности – чуждость». При общем признании приоритетного положения единиц лексического уровня речь сегодня идёт о широких путях экспликации «свойственности – чуждости». Экспликантами «свойственности – чуждости» признаются единицы прагматического, словообразовательного, синтаксического, текстового уровней.

Таким образом, семантическая оппозиция «свой – чуждой», будучи объектом научной рефлексии представителей разных областей знаний, привлекает в последнее время и внимание лингвистов. Но, несмотря на активизирующиеся исследования в этом направлении, проблема языковой сущности «своего – чужого» остаётся малоизученной. Нерешёнными остаются многие вопросы, связанные как с теоретическими основаниями, так и с функционированием данной категории. К числу проблемных «зон» могут быть отнесены и вопросы, касающиеся репрезентации «свойственности – чуждости» на уровне социального дискурса.

Семантическая оппозиция «свой – чуждой» в политическом дискурсе. Фундаментальный характер «свойственности – чуждости» как отражение онтологической бинарности мироустройства обуславливает широкую репрезентативность выделяемого образования. Коммуникативная гибкость «своего – чужого» основана на прагматической и социальной сущности данного феномена: членение мира на сферы «своё» и «чужое» осуществляется субъектом познания, категоризирующего мир относительно себя. Социологизованная сущность познающего субъекта мотивирует категоризацию по принципу «своё – чужое» как с позиций индивидуализированного Я, так и с позиции социальной группы.

Основу анализируемого феномена составляет фигура говорящего – Я, что обуславливает эгоцентрический характер подобного образования. Для определения границы между «своим» и «чужим» не-

обходимо осознание себя как Я в противопоставлении ДРУГОМУ. Оппозиция Я – ДРУГОЙ, организующая единство семантического образования «свой – чужой», является производящей основой для образования групп более сложного характера, предполагающих не только различие, но и потенциальное взаимодействие:

Я – МЫ (выражение человеческой общности);

Я – ТЫ (процесс коммуникации с другими людьми);

Я – Я (процесс автокоммуникации, внутренний диалог с собой);

МЫ – ОНИ (взаимодействие на уровне разных социальных общностей);

Я – ОНИ (противопоставление себя социальной группе).

Разноуровневая категоризация обуславливает нетождественный характер отождествляемых денотатов: с позиций Я категоризации подвергаются объекты реальной действительности и ментальные образования, наделяемые определёнными личностно-ценностными смыслами, с позиций совокупного МЫ такому членению подвергаются различные образования социально-ценностного характера. Двуплоскостность категориальной модели вербализируется на уровне двух типов дискурсов – личностного и социального.

В группе дискурсов, раскрывающих социологизованную сущность «своего – чужого», особое место занимает политический дискурс, возводящий «свойственность – чуждость» в ранг социально-политических отношений. Специфика «свойственности – чуждости» в политической коммуникации предопределяется сущностными признаками политического дискурса как такового.

Институциональный характер политического дискурса наделяет данные сферы ярко социологизованным характером: в качестве категоризирующего субъекта выступает статусно-ролевое МЫ, членящее мир на «своё» и «чужое» с социально-прагматических позиций. Смена категоризирующего субъекта мотивирует и изменение объекта категоризации, относительно которого выстраивается оппозиция. В качестве объектов реальности, по отношению к которым категоризирующий субъект определяет расположение компонентов «своё – чужое», начинают выступать различного рода объединения (общественно-политические группы, партии, нации, страны) либо отдельные объекты как носители определённых социально-политических признаков (политические оппоненты, противники, представители иных социальных группировок).

Видоизменение денотативного ядра категории мотивирует трансформацию аксиологической направленности данной группировки. Ценностные установки познающего субъекта, формирующие категориальные сферы «своё – чужое» на уровне личностно-ориентированного дискурса, перерастают в прагматико-манипулятивные установки, организующие пространство политического дискурса. Подобная модификация обуславливает надделение

«свойственности – чуждости» манипулятивным и регулятивным характером.

Семантико-ценностные параметры «свойственности – чуждости», проявляющиеся в прагматическом противопоставлении компонентов политической деятельности, переводят рассматриваемую оппозицию в разряд ядерных образований политической коммуникации. «Оппозиция «свой – чужие» определяет специфику политического, так же, как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» – в области эстетического ...любые ценностные противопоставления в политическом дискурсе будут являться вторичным по отношению к данной оппозиции» [9, с. 122].

Манипулятивно-прагматический потенциал «своего – чужого», обуславливающий ведущую роль данной группировки в построении конвенциональных стереотипов, речевых тактик и стратегий, политических мифов, неоднократно подчёркивался лингвистами: «бинарная оппозиция «свой – чужой» составляет основу идеологического компонента значения, присущего идеологемам» [1, с. 91]. При этом подобные идеи высказываются как лингвистами, так и социологами, политологами, определяющими базовую роль «свое – чужое» и производных от неё образований («друг – враг», «мы – они») в общественно-политической жизни российского государства (А. Цуладзе, Б. С. Ерасов, О. Погонина и др.).

Воздействующий потенциал оппозиции «свой – чуждой» предопределён базовой семантикой дихотомии: интеграции/сплочённости – разъединения/отчуждения. Обыгрывание значения единения – разобщённости в политической коммуникации наделяет данную дихотомию идеолого-манипулятивным смыслом

Роль «свойственности – чуждости» как элемента государственной идеологии сводится к репрезентации значения единения и сплочённости общества, оппозиция «мы – они» становится одним из важнейших средств консолидации общества. Интегративное значение сферы «свое» используется в целях стабилизации и поддержания существующего типа государственного устройства. Идеологическая мотивированность языкового употребления сферы «чужое» сводится к выражению компенсаторной функции, усиливающей консолидацию нации (образ «чужих» может быть рассмотрен как социальный конструкт, используемый для поддержания сплочённости «своих»).

Языковые репрезентанты «свойственности-чуждости» являются коррелятами внедряемых и поддерживаемых идеологием совместности, единения, развития и функционирования государства. Использование категориальной семантики «свойственности – чуждости» в политической коммуникации наделяет лексические единицы анализируемой группы идеологическим компонентом значения. Лексические показатели «свойственности – чуждости» становятся идеологическими маркерами, влияющими на характер социальных действий представителей нации.

Семантика «свойственности – чуждости» становится базовым языковым механизмом в реализации стратегий и тактик, направленных на моделирование общественного сознания и корреляцию социальных действий. Категориальная организованность политических дискурсов по принципу «свое – чужое» позволяет реализовать ведущие коммуникативные стратегии адресантов – «солидаризирующие и изолирующие стратегии, которые, однако, нельзя полностью разделять, так как определение группы «мы» («свои») всегда осуществляется относительно группы «чужие» и наоборот» [2, с. 104].

«Солидаризирующие» и «изолирующие» стратегии, базирующиеся на прагматической репрезентации компонентов «свое – чужое», используются в целях внедрения в массовое сознание требуемых образов и представлений.

Рассматриваемая бинарная оппозиция выступает в роли своеобразного индикатора иллюкативной направленности политических дискурсов: интерпретация и созидание социальной реальности по «своим» правилам, акцентуированным конфронтационным изображением «других». Манифестация «своих» позиций, оценок, противостоящих «чужим», репрезентация авто- и гетеростереотипов приводит к выработке общественного мнения и корреляции социальной доминанты, является эффективным способом внедрения желаемого образа действительности и формирования определённых стереотипов массового сознания.

Подобное положение, с одной стороны, подчёркивает широкую репрезентативность «своего-чужого» в политической коммуникации, а с другой стороны, актуализирует необходимость его научного осмысления. Одним из возможных направлений в данном случае представляется построение модели, отражающей устройство анализируемого образования.

Модель семантической оппозиции «свой – чужой» на уровне политического дискурса. Ярко социологизированный характер «своего – чужого» в политическом дискурсе находит отражение в структуре рассматриваемого семантического образования. Как уже было отмечено выше, ядерное положение индивидуализированного Я, оценивающего мир относительно себя, в политическом дискурсе занимает совокупное МЫ как репрезентант социальной общности людей.

Смена ядерных позиций предопределяет трансформацию вертикального членения мира. Если с позиции индивидуума мир дробится снизу вверх (от личного Я до социальных образований), то реальность, преломленная через общественное сознание, членится сверху вниз (от социального континуума до личного Я). Фокусное расширение и сужение отражается в полевой организации семантической оппозиции: периферийное положение социологизированных сегментов с индивидуальных позиций и центральное – с точки зрения общественно-социальных отношений.

Семантические сферы «своё – чужое» в политическом дискурсе наполняются содержанием, репрезентирующим социально-политическую модель общества и стереотипы восприятия социального мироустройства. Формирование категориальных сфер «своё – чужое» в публицистике во многом обусловлено эмоционально-когнитивными процессами объединения /разобщения себя с другими представителями социума по разным основаниям, базовыми из которых являются: 1) социальный статус; 2) политическая позиция; 3) этнический фактор.

Характер интенциональной направленности политических дискурсов мотивирует участие каждого из выделенных образований в содержательном наполнении как сферы «своё», так и сферы «чужое». Позиция субъекта политической коммуникации, отражающая субъективную категоризацию мира по принципу «своё – чужое», координирует структурную амбивалентность данных групп. Социальные, политические, этнические факторы могут являться как содержательными конструктами сферы «своё» (*мы, рабочие, учителя, коммунисты, патриоты, русские люди*), так и сферы «чужое» (*чиновники, правящий класс, лжедемократы, левые, зюгановцы, фашисты, лица кавказской национальности*).

Содержательная амбивалентность модели «свойственности – чуждости» сопряжена с динамичным, подвижным характером рассматриваемого образования. Различные этапы становления и развития общественного сознания модифицируют смысловое наполнение семантических полей «своё – чужое».

Так, в средствах массовой информации советского периода существования языка членение мира на сферы «своё – чужое» по социальному, политическому и этническому факторам являлось репрезентантом единства нации, её сплочённости и монолитности (*нерушимое единство партии и народа, морально-политическое единство советского народа, общенародное государство, интернациональное братство, братская солидарность*). Участие же данных процессов в формировании диаметрально противоположной сферы «чуждость» носит дискретный характер.

Политическая ситуация обуславливает акцентуализацию прежде всего политического фактора при формировании категориальной сферы «чуждость», то есть неприятия советским государством позиции отчуждаемых, враждебно настроенных стран (*толстосумы-антикоммунисты, антисоветские элементы, империалистические агрессоры, враги Советской власти*) и представителей советского социума, не согласных с господствующей идеологией (*диссиденты, идейные враги, беспартийцы, политические диверсанты, пособники антисоветских деяний, предатели*). Категоризация мира сквозь призму политических мотивов подчёркивает доминирующий в этот период идеологизированный характер отчуждения. Формирование сферы «чуждость» по социальному основанию базируется на принципах социально-ценностной регуляции. В качестве отчуждаемых объектов выступают советские люди, нарушившие нормы общественной жизни

(*пьяницы, стяжатели, тунеядцы, хулиганы, приспособленцы, воры*).

Отчуждение по этническому признаку в доперестроечной политической коммуникации практически элиминировано. Идеологическая позиция советского государства, одним из принципов которой был принцип братства и единства со всеми народами, мотивирует отнесение данного образования к категориальным репрезентантам сферы «своё» (*единение стран, братское сотрудничество, солидарность с народами, содружество*).

Современные политические дискурсы демонстрируют модификацию содержательных компонентов «свойственности – чуждости». Трансформация модели «свойственности – чуждости» заключается в перераспределении ядерных позиций категориальных компонентов. Ядерное положение сферы «своё» советских политических дискурсов (при ярко дуалистической организации «своего – чужого») занимает сфера «чуждость» современных политических текстов (при мозаичном характере данной группировки).

Социальные, политические, этнические признаки как базовые образования, формирующие векторы «своего – чужого», получают иное смысловое наполнение в современных политических дискурсах: доминирующая сема «национальное единство» трансформируется в базовое выражение расчленённости общества. Современное российское общество в публицистических текстах последних лет предстаёт как социально гетерогенное и расчленённое по различным признакам.

К примеру, социальный фактор становится конструктом целого ряда образований, репрезентирующих прежде всего социальную расчленённость людей. При этом доминирующее место в многоступенчатой общественной конфигурации занимает противопоставление двух крупных социальных страт: «народ» и «власть». Политическое расслоение социума сводится к выделению групп «*наша партия – их партия*», «*единомышленники – оппоненты*». Этническая самоидентификация выражается в выделении группы «*русских людей, россиян*» и «*иностранцев*».

Помимо названных концептообразующих параметров в современных политических дискурсах выделяются и не функционирующие ранее образования, конструирующие сферы «своё» и «чужое». К таким единицам может быть отнесён религиозный признак, на основе которого выделяются такие конфессиональные страты, как «*мусульмане*», «*иудеи*» и т. д.

Каждый из обозначенных векторов подвергается дальнейшей сегментации, их содержательное наполнение выкристаллизовывается целым рядом смысловых компонентов. Так, внутри образования «*народ – власть*» выделяются такие более частные группы, как «*люди труда – чиновники*», «*работяги – пустословы*», «*нищие – олигархи*», «*обыватели – бюрократы*» и т. д. При этом выделенные группы подвергаются дальнейшей категоризации по принципу «своё – чужое» («*власть*» → *структура власти: «верхи» – «местничество»* и т. д.).

Полевая организация «свойственности – чуждости» осложняется наложением пространственных и

временных векторов, характерных для дискурсов различных типов. В политической коммуникации советского периода пространственная организованность по принципу «свое – чужое» касалась прежде всего противопоставления «нашего государства» идеологически чуждым нам странам. Для современных же политических дискурсов характерно не только внешнее противопоставление одного государства другому, но и противопоставление внутри страны (*Москва – периферия, центр – окраина*).

Временная соположенность мотивирует выделение образований, соотносящих настоящий момент действительности с прошлым опытом человечества. При этом сегмент «прошлое» может наделяться как семей «отчуждение» (*раньше было плохо → не наше время*), так и семей «свое» (*раньше было лучше → наше время*).

Таким образом, модель семантической оппозиции «свой – чужой» в политическом дискурсе представляет собой иерархическое образование ярко социологизированного характера, обладающего признаками динамичности и амбивалентности компонентов.

Литература

1. Бакумова, Е. В. Коммуникативные характеристики институциональных типов политиков / Е. В. Бакумова // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001. – С. 91 – 96.

2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика: [пер. с англ. и нем.] / Р. Водак; ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.

3. Иванов, В. С. К вопросу о реконструкции плана содержания древней славянской системы / В. С. Иванов, В. Н. Топоров // Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – С. 63 – 218.

4. Михайлова, О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003. – С. 99 – 111.

5. Пеньковский, А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985 – 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 54 – 82.

6. Порядина, Р. Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р. Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты: материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 74 – 80.

7. Серебренникова, А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности – чуждости» (лингвокультурологический аспект) / А. Н. Серебренникова: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 210 с.

8. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 1997. – 482 с.

9. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. – 386 с.